

Глава 1

Тори

— Ты опять опаздываешь, Тори, — поправляя круглые очки на переносице, сообщает Веня нравоучительным тоном, как будто я не в курсе. — Знаешь же, что Филатов нас не пустит, если заявимся после звонка.

— Успеем добежать, зануда! — Я посылаю другу самую ослепительную улыбку из своего арсенала и беру его под локоть. — Из общаги вышла вовремя, честное слово, но возле подъезда опять тот котенок черно-белый ошивался, пришлось забежать в магазин сосиску ему купить. Надеюсь, девочки пристроят его, такой он милый.

— Ну вот! Из-за паршивого кота мы с тобой зарабатываем прогул у самого сволочного препода в универе! Где справедливость в этом мире?

Веня демонстративно пучит глаза и тянет меня к центральному входу, но войти внутрь мы не успеваем. Дорогу нам преграждает буйная компашка во главе с Арсением Громовым. Сам он предпочитает, чтобы его величали Громом (даже в мыслях!), но в гробу я видала таких Зевсов. В моем представлении он типичный мажор в брендовых шмотках, повсюду гоняющий с толпой от мороженных придурков.

Мы вместе учимся на втором курсе, только я на педагогическом факультете, Веня изучает прикладную информатику, а мажоры — IT-технологии и гейм-дизайн. Понятия

не имею за что, но они невзлюбили моего друга с первой недели сентября. Я пыталась выбить у Вени признание, в каком месте он умудрился перейти дорогу этой шайке, но тот молчит как партизан, из чего я делаю вывод, что там или что-то действительно серьезное, или какая-нибудь ерунда, в которой ему просто стыдно признаться.

— Так-так, и куда это несется парочка «Твикс»? — с издевкой тянет Быков, один из прихвостней Громова, амбал с плоским лицом, явно не обремененный интеллектом.

Мы с Веней синхронно делаем вид, что не заметили провокации, и пытаемся обойти парней справа, но те зеркала наше движение и перекрывают нам путь в универ.

— Мы спешим на пару, — бросаю я недовольно и крепче стискиваю локоть Вени. — Простым смертным приходится учиться и закрывать сессию с помощью знаний, а не денег папочки.

— У-у-у, — раздается предупреждающий гул. — Ты, сука, на кого свой рот сейчас открыла?

Глаза плосколицего наливаются кровью, как у самого настоящего быка при виде размахивающего красной тряпкой тореадора.

— Не надо говорить с Тори в таком тоне! — вмешивается на свою голову Веня. — Зачем оскорблять девушку, только потому...

Закончить он не успевает. Быков хватает его за плечо и впечатывает в стену с такой силой, что с Вени слетают очки. А после на них, смятая оправу и стекла, наступают второй громовский дружок, Руслан Платонов. Раньше он мне казался самым адекватным из троицы, но в этом году как с цепи сорвался. Отрастил шевелюру, набил татуировку и, кажется, собирается побить рекорд Громова — пройти вообще по всем девчонкам в универе. По крайней мере, со стороны это выглядит именно так.

— Ты! — задыхаюсь от возмущения и дергаюсь в сторону Быкова, чтобы прийти на помощь Вене, но на мое плечо тут же опускается горячая ладонь Громова.

— Не лезь, — говорит он так спокойно, словно не видит, как отморозок из своры его псов калечит моего друга.

Рассчитывая испепелить взглядом, я потрясенно смотрю на его загоревшую в Испании руку (ну а кто в универе не подписан на страницу Громова, где он светит полуголыми селфи?). Жаль, выходит не очень. Тогда я изо всех сил дергаю плечом и бросаюсь к Вене, на ходу подхватывая с земли вдребезги разбитые очки.

— Отвали! — рычу я на Платонова, когда тот пытается преградить мне путь.

— Ты посмотри, какая дерзкая! — Ехидно улыбнувшись, он качает головой и, пока я помогаю Вене сесть и собрать выпавшие из рюкзака конспекты, светит ямочками на щеках, которые с его паршивой натурой сочетаются плохо.

— Ты как? — спрашиваю я Веню.

— Жить буду, — храбрится он, но я чувствую, что Веня не меньше моего ошарашен подобной формой агрессии.

— И не стремно тебе прятаться за юбкой? — подает голос сам Громовержец, обращаясь к моему другу.

— Оставь его в покое, придурок! — бросаю я и бесстрашно смотрю ему прямо в лицо.

Наверное, сейчас я впервые осознаю, почему на него западают девчонки. Арсений Громов просто до тошноты идеальный. Он высокий, я бы даже сказала очень, явно на две головы выше меня, а я ведь тоже далеко не Дюймовочка. У него красивые рельефные плечи, широкая грудная клетка и большие кисти рук с длинными пальцами и аккуратно подстриженными ногтями — без шуток, у меня пунктик на эту тему, а его кисти выгля-

дят так, словно парень в свободное время развлекается игрой на арфе. Ну то есть все очень красиво. Выгоревшие на солнце волосы зачесаны назад, верхние пуговицы льняной рубашки расстегнуты, с шеи свисает странный кулон, а на ногах вместо модных кед чертовы лоферы, будто он учится в Гарварде, а не в РУФИ, где ботаники вроде нас с Веней изучают физику и информатику. Если подумать, Громов напоминает мне типичного Кена — такой же смазливый и пустоголовый, как пластиковая кукла. За этой оберткой точно нет ни сердца, ни души. Так несправедливо, что подобному мерзкому типу достались такие идеальные руки!

— Что ты сказала? — Он демонстративно шурит глаза и кривит губы, за один миг превращаясь из милашки в хищного зверя. Еще и скалитесь — не зря он бессменный предводитель этих псов.

— Тебе голову мячиком отбили, что ты простых слов не понимаешь? — Ах да, забыла сказать, что Громов у нас — звезда баскетбола.

Он в два размашистых шага сокращает расстояние между нами и сжимает своей аристократичной клешней мои щеки.

— Я вот думаю, ты бессмертная, что ли?

— Это же ты у нас Севс, я тут при сём? — выдавливаю сквозь губы, сложенные трубочкой.

Секунда, две, три немой перестрелки взглядами, а потом Громов отпускает меня и, согнувшись пополам, оглушает всю округу раскатистым хохотом.

— Ладно, ты смешная, живи пока, — заявляет он, не переставая широко улыбаться, и заглядывает мне через плечо: — А вот твой очкарик...

— Не трогай... — Мой голос срывается, так что приходится прочистить горло, чтобы снова звучать решительно и смело. — Его.

Телохранители на заднем плане дружно издают свистящие звуки. Для того чтобы генерировать полные предложения, у них, видимо, извилин не хватает в черепной коробке. Но мне пофиг, для меня они не более чем белый шум. Другое дело — сам Громов. Цепкий взгляд зеленых глаз отравляет, словно ядовитый плющ, но я, призвав на помощь все самообладание, стойко выдерживаю его и мысленно считаю до десяти.

Бровь парня изгибается домиком, правый уголок рта ползет вверх.

— А что мне за это будет? — звучит с издевкой и так приторно, что у меня сводит скулы.

— Судьба сжалится над тобой, и ты перестанешь быть таким придурком.

— Тебя давно не трахали или ты по жизни самодовольная сука? — не остается в долгу Громов.

— Тори, забей, я... — бормочет за спиной слепой, как крот, Веня. Без очков геройствовать ему не по зубам, поэтому я за него.

— Саня, Рус, нашему умнику пора искупаться в фонтане. Будет знать, как лезть к чужим девушкам с такой рожей.

Я будто в замедленной съемке вижу, как эти двое распрямляют плечи и сжимают кулаки, а в мыслях уже представляю Веню, который, как «Титаник», идет ко дну. Почему сразу ко дну? Да потому что мой друг никогда не умел плавать!

— Нет-нет, — срываюсь и подлетаю к Громову. Тех бизонов не остановить, поэтому я импровизирую. — Нет! — Я толкаю его в грудь, но он продолжает стоять на месте. От него приятно пахнет кофе и немного дорогим одеколоном, но в остальном он бесит меня от макушки до пят. — Говорю тебе в последний раз — не трогайте его! — И я очень хочу, чтобы мой голос звучал грозно и уверенно, но, по моему, больше похоже на то, что я умоляю.

— А что ты готова сделать ради этого? — Свистящий шепот пробирает до костей, желудок судорожно сокращается, как подумаю, что он и я...

— Фу! Да я лучше мучительно умру в дьявольских силках, чем лягу с тобой в постель.

Громов морщит нос, будто чем-то дурно запахло.

— Это что-то на задротском? — Он кивает мне за спину, и я боковым зрением вижу, как его дружки замирают. — Лягу в постель... — Он опять смеется. — Тебе сколько лет, семь? И неужели ты думаешь, мне есть дело до твоей огромной задницы? Спустись с небес на землю, пучеглазая!

— Ауч, — говорю без лишних эмоций, — бодишейминг? Серьезно? Какие у тебя еще скрытые таланты? Бьешь детей? Топишь котят?

— Короче, — Громов резко тянет меня за воротник блузки, торчащей из-под объемного свитера, которые я обычно ношу в комплекте с широкими джинсами, — хочешь выслужиться за проколы своего парнишки — валяй. Мне девчонка на побегушках не помешает.

— Найми персонального ассистента, — парирую я.

— «Да», или очкарик уходит в дальнейшее плавание, — чеканит он.

— О чем ты вообще... Да блин! На дворе двадцать первый век, крепостное право давно отменили!

— Ребят... — начинает Громов лениво, пронзая меня по-змеиному зелеными глазами.

— Ладно! — выкрикиваю я, лишь бы прекратить этот фарс. — Хорошо! Я согласна. Но никакого секса, ничего противозаконного или того, что может угрожать здоровью. Вы не тронете Веню и...

— Условия здесь выставляю я, — перебивает Громов, наклоняясь так близко, что кончик его острого носа едва не цепляет мою щеку. — Будешь мне должна.

— И что это значит? Как долго? — Я тараторю, потому что паника подступает к горлу и меня тошнит.

— Пока мне не надоест, — звучит под похоронный марш в моей голове. — С остальным я согласен. Нужны твои цифры.

— Чего?

— Телефон твой, — поясняет тоном, которым разговаривают с умалишенными.

— Зачем?

— Спокойной ночи желать перед сном. — Он закатывает глаза и будто бы злится. — Тему доклада скину. Завтра Филатову нужно сдать.

Кстати, о нем. Мы уже схлопотали прогул? Значит, автомата не будет? Черт, черт, черт.

Я по собственной воле даю мажору свой старенький телефон с трещиной посередине экрана, а тот, нахмурившись, вбивает номер и делает дозвон. Потом кивает, резво стартует с места, и не успеваю я глазом моргнуть, как буйная троица уже метрах в десяти от нас заворачивает за угол.

— Эй, что за подстава? Доклад для Филатова не написать за один вечер! — очнувшись, кричу Громову вслед, пока Веня рядом со мной виновато вздыхает.

— У тебя есть стимул совершить невозможное, — небрежно сообщает Арсений в ответ. — Надеюсь, ты согласишься, что он не принимает работы из интернета?

Громов подмигивает и скрывается из виду, вызывая во мне неконтролируемую жажду крови.

— Я тебе помогу, — мямлит Веня, а я впервые за все годы нашей дружбы, которая прошла проверку садом, детскими лагерями и школой, так сильно на него злюсь.

Что там придурок нес про девушку, к которой сунулся Вениамин?

— После этого, — сердито хмурюсь, чтобы он не думал, что я шучу, — ты просто обязан мне все рассказать! И можешь начинать прямо сейчас.

Глава 2

Арсений

— Арс, я... Я все... О-о-о... А-ах! — Горластая старшекурсница Карина сладко стонет подо мной и бурно кончает, ритмичными пульсациями массируя мой член. Охренительно. Я догоняю ее и, насладившись собственной разрядкой, стаскиваю резинку, а после падаю рядом с развалившейся на кровати девчонкой.

Нормальная она все-таки телка: волосы светлые, глаза голубые, кожа повсюду гладкая, не дура, но и заумных речей не толкает — все, как я люблю. Надо сохранить ее цифры под номером двадцать один. Мое любимое число. Когда в следующий раз возникнет желание сочно потрахаться, быстро вспомню, что с этой было хорошо.

Подождав, пока выровняется дыхание, я тянусь за ветровкой, в кармане которой припасена полупустая пачка сигарет — таскаю ее с собой уже месяц. Я почти бросил, но покурить после зачетного секса — как забить трехочковый за секунду до свистка арбитра. Отказать себе в этом удовольствии я пока не могу. Выбив из пачки одну, глубоко затягиваюсь и ощущаю, как ослабевшее после оргазма тело снова наполняется энергией. Наверное, быстро перекурю сейчас, и на второй раунд с Кариной пойдем. А почему нет? Отличное завершение бесконечно долгого дня, и я почти готов.

— Арс, может, в кино сходим? Новая часть «Аватара» вышла.

Член, не успев толком встать, падает замертво.

— Ага, — хмыкаю я, внутренне уловив топорные попытки Карины перевести наши отношения из плоскости кровати в романтику. Я такое сразу пресекаю. А в кино лучше с парнями схожу. «Аватар» — это тема. — Со звонимся как-нибудь, лады? А сейчас я пойду, мне пора.

— У тебя же есть мой номер?

— Есть, ага, — отзываюсь я, теряя терпение. Вместо двадцати одного получит от меня в записной книжке троечку, а это значит, что сегодня у нас первая и последняя встреча.

Видимо, умственные способности Карины я все же переоценил, потому что моего настроения свалить она упорно не считывает. Пододвигается ко мне ближе и начинает водить острыми когтями по моему плечу. Жаль, что у меня на нее больше не стоит и я терпеть не могу, когда телки царапаются. А-а, больно!

Резво поднявшись, я собираю шмотки, разбросанные по полу, одеваюсь. Надо бы в душ сходить, конечно, но аппетиты Карины на мое личное время растут в такой геометрической прогрессии, что мне стремно задерживаться у нее в квартире даже на пять минут. А то она в своих мечтах скоро от кино к ужину при свечах перейдет. Там и до знакомства с родителями недалеко — знаем мы таких.

Когда я выхожу на улицу, уже темнеет: по небу мажет остатками заката, зажигаются фонари и фары мимо проезжающих автомобилей. Я собираюсь набрать Руса, узнать, что он делает, и, может, пересечься с ним, но стопорюсь, когда с незнакомого номера прилетает сообщение.

«Реферат отправила».

Мозг в первые пару секунд впадает в ступор, но потом я вспоминаю вчерашнюю стычку с лузером Веней и его подружкой в смешном, похожем на мешок прикиде. Во-

время она мне подвернулась с этим договорным рабством все-таки. Отличница и зазнайка — прямо то, что доктор прописал. Закрою зимнюю сессию без лишних заморочек.

Опомнившись и глянув на время, я решаю забить на Руса, тем более что настрой тусить почему-то сбит. Тачка по-прежнему в сервисе, поэтому я вызываю такси и валю домой — распечатаю доклад и спать. На хрен все. Хотя бы раз выплусь: завтра после пар я маму с братом хотел проведать, а вечером мне предстоит попотеть на тренировке. В пятницу важный матч с задротами из РУПС, надо быть в форме.

Пару бесконечно долгих дней я верчусь как белка в колесе. Всем от меня что-то нужно, даже отец, обычно в свободное время занятый очередной малолетней любовницей, появляется на горизонте и хочет со мной поговорить. Дел реально невпроворот, поэтому, сдавая Филатову подготовленный пучеглазой доклад, я даже испытываю что-то вроде благодарности к ней и ее дружкuluзеру — сам бы я точно не вывез эту порцию гранита науки, а «неуд» мне сейчас вообще ни к чему.

К следующей паре у профессора я нормально раскидываюсь с делами, удовлетворяю желание отца проверить на прочность семейные узы, забираю машину с новыми дисками и тонировкой из сервиса и наконец полностью концентрирую усилия команды на предстоящем баскетбольном матче.

— Что ж. — Зверюга Артемий Александрович Филатов, наш препод, достает из потрепанного портфеля, видавшего, наверное, самих динозавров, пачку рефератов и бросает их на стол. — Все, кто сдал работы вовремя, получают зачет. У некоторых студентов в текстах есть прямо-таки неплохие мысли. Молодцы, хвалю. Но вот один реферат мне хочется выделить особенно. Не поверите, сегодня у нас отличился Арсений Громов.

По аудитории проносится стройный гул протяжного «у-у-у», а я давлю улыбку. Отлично, Огнева, зачет у Филатова дорогого стоит. Может, и не буду жестить с ней. Еще пара рефератов перед зимней сессией — и отпущу на все четыре стороны подтирать сопли ее очкарику.

— Где-то здесь есть одна, я бы даже сказал, выдающаяся мысль, — скрипучим голосом продолжает препод, листая страницы. — Я ее специально маркером выделил и дважды прочел, чтобы, так сказать, прочувствовать. Ага, вот она, цитирую: «У Виктории Огневой потрясающая задница». И ведь не поспоришь же!

После секундной тишины аудитория взрывается диким хохотом. Ржут даже Бык с Русланом, а я, черт возьми, смущенно краснею. Краснею, блин! Вроде так называется этот процесс, когда кровь бурлит и кипятком бьется в щеки и лоб?

Придушу Огневу. Да я ее просто придушу! Голыми руками! Пусть только попадетя мне на глаза.

До конца дня я коплю в себе ярость, которой собираюсь стереть дерзкую сучку с лица земли. Пробиваю ее расписание, но она, по ходу, понимает, что ей и ее «потрясающей заднице» звездеч, — умудряется просачиваться в лектории и из них через меня. Хитрая, зараза, но и я не сопливый пацан. Ловлю ее в коридоре после четвертой пары и, не церемонясь, толкаю к стене.

— Я вот не пойму, Виктория Огнева, ты до хера смелая или просто дура? — хриплю ей в лицо.

— Не понимаю, о чем ты, — невинно хлопая ресницами, поет чучело в безразмерном свитере и огромных штанах. Это у нее прикол такой — косить под раннюю Билли Айлиш? — Отодвинься от меня. У меня личное пространство.

— Все ты понимаешь, — рычу я в ответ и еще сильнее вдавливаю ее в стену. Пусть останутся вмятины, зато

навсегда поймет, что со мной шутки плохи. — Такими темпами ты мне по гроб жизни будешь обязана.

— А не пойти бы тебе...

Я гашу новую порцию дерзостей девчонки, сжав ее шею пальцами.

— Пойти здесь можешь только ты, рассказать куда? — цежу и для устрашения даже наклоняюсь ниже, так что наши лбы почти соприкасаются. — Ты мне должна, за-была уже? Так, если память короткая, я напому.

Она распахивает губы, явно намереваясь возразить, но тщетно, потому что я успеваю накрыть ее рот ладонью. Не желаю слышать ее приторно-сладкий голос, полный унижающего меня дерьма.

— Раз у тебя в натуре такая *потрясающая* задница, завтра жду тебя на нашем матче в костюме чирлидерши. Всем универом будем любоваться. Усекла? А не притащишь свою звездную задницу на матч, будешь вылавливать тощее тело своего Вениамина в фонтане. Или в реке. Говорят, он хреново плавает, м?

— Ты... Ты... — задыхаясь, шипит стерва, все еще трепыхаясь в моих руках.

О, и мне нравится, как она выглядит в этот момент: в ярких глазах плещется испуг, щеки краснеют, а пахнет... Даже специально тяну носом, чтобы убедиться. Да, точно, сливочный крем и корица, как выпечка в «Синнабоне», только аромат не такой навязчивый, тоньше. Интересно, эта коза так пахнет, потому что между парами сладости точит? Ну, судя по заднице, да.

— Я, Булочка, я, — отвечаю с ухмылкой и отстраняюсь от нее. — Рот захлопни, а то найду ему лучшее применение. Правила здесь устанавливаю я, запомни для твоего же блага. И подставишь меня еще раз, пеняй на себя. Тебе, возможно, и переезд в другую страну не поможет.

Глава 3

Тори

Это дурацкая затея.

Связываться с Арсением Грозовым изначально было очень плохой идеей — не представляю, какая неведомая сила отняла у меня язык и заставила согласно кивнуть на его идиотский приказ прийти на игру, чтобы махать помпонами. Сейчас я, конечно, понимаю, что могла бы найти сотню достойных ответов отморожкам и обыграть все по-другому, но что это меняет в глобальном смысле? Ничего. Дни не отмотать назад. Без маховика времени — точно нет.

Блин, ну правда, каким местом я думала, когда соглашалась? Пусть бы Веня поплавал немного — не утонул бы, ведь так? Хотя кому я вру, шайка Грозова не отстала бы от нас ни-ког-да и превратила учебу до самого выпуска в ад. Видимо, это время под гнетом юного недалекого деспота нужно просто пережить, как стихийное бедствие. Наиграется и бросит, да? Бывало и хуже, когда, например, в общаге делали ремонт и изо всех щелей лезли тараканы. Я справилась с целой армией рыжих вредителей, неужели не одолею одного, пусть и особенно противного? И зачем вообще ломать голову, если все и так уже произошло?

Доклад — есть, но впредь стоит действовать осторожнее, хотя удержаться сложно. Но кто мешал Громо-

ву пройтись глазами по буквам? Я ведь совершила свою маленькую месть огромным шрифтом!

Ладно, теперь чирлидинг. Это нужно просто вытерпеть.

Следующим шагом будет поиск уязвимого места Громова, грязный шантаж и моя свобода.

Недолго думая, я открываю заметки в телефоне и накидываю нехитрый план действий. Даже самую сложную задачу можно решить, если продумать все поэтапно.

Договориться с Настей, капитаном группы поддержки красно-белых, оказывается несложно — в прошлом году я писала ей курсовую, благодаря которой та выровняла средний балл и осталась со стипендией. Она тоже живет в общежитии, на этаж выше, и мы пару раз мило болтали ни о чем в нашей скромной маленькой кухне, когда у них ломалась микроволновка. Бюджетники, да еще и приезжие, вообще стараются держаться друг друга и выручать там, где могут. Поэтому, когда я прихожу к девочкам в комнату с дурацкой просьбой взять меня завтра на игру, Настя даже не устраивает допрос.

— Не представляю, зачем оно тебе нужно после профессионального спорта, но о'кей. Скину тебе запись тренировки, думаю, выучить за вечер пару элементарных связок для тебя не будет проблемой. На баскете мы прикрываем только тайм-ауты — это тридцать–сорок секунд времени. За формой забеги вечером, гляну, что сумею достать из старых запасов.

Вот и все. И даже пламенная речь с перемыванием косточек Громову мне не пригодилась, а так хотелось ну хотя бы раз по нему пройтись.

Вечером я устраиваю себе внеплановую тренировку с растяжкой и несколькими подходами на приседания и пресс, затем пару раз прогоняю танцевальные па, которые предстоит исполнить на баскетболе. В результа-

те, с непривычки после долгого перерыва сильно устав, я сплю сном младенца точно до звонка будильника, вместе с которым просыпается моя тревожность. Зато пары в день икс пролетают незаметно, потому что я час за часом на повторе смотрю Настины видео — даже при таком, казалось бы, глупом задании я не могу действовать легкомысленно. У меня по жизни все должно быть подчинено контролю, а чертов Громов приносит хаос в мой размеренный график! И я собираюсь сделать все, чтобы скорее избавиться от этого раздражающего фактора ради запланированного на недели вперед списка дел. И ради Вени. Глупого наивного Вени, который каким-то образом умудрился пригласить на свидание Лику, девчонку плосколицего, что безбожно флиртовала с ним, лишь бы списать на тесте. А теперь мой милый друг проверяет у окулиста зрение и пытается наскрести деньги на новые очки. Сколько его помню, Веня всегда был гением в точных науках и абсолютным профаном в сердечных делах!

Мы с Вениамином Балашовым дружим еще с детского сада и в школе ходили одной дорогой домой. Класа с седьмого сидели за одной партой, потому что так нам было проще: Веня таскал учебники и делал домашку по математике, а я без конца катала за него всякие сочинения и прочую муть, где вместо арифметических знаков нужно было ставить знаки препинания, с которыми он был не в ладах. Мы легко находили общий язык: Балашову нравились блондинки, мне — брюнеты. Мы казались несовместимыми в романтическом смысле, и это было прекрасно. Когда в девятом классе у меня неожиданно для всех выросла грудь третьего размера, он единственный говорил со мной, глядя в глаза, — вот что значит настоящий друг.

Кстати, о брюнетах, которые мне нравятся.

— Привет, малышка! — Дима Воронцов, с которым мы вот уже три недели подряд каждый день после университета пьем кофе в парке, с ходу давит меня в медвежьих объятиях. Он такой — открытый, простой и огромный. Все его эмоции написаны на лице, и он отвратительно флиртует, но в остальном пытается вести себя как настоящий джентльмен.

Сейчас, когда он поднимает меня над полом и кружит прямо посреди коридора, привлекая внимание, от него пахнет дезодорантом и свежим гелем для душа — видимо, тренировался не так давно. Дима радостно смеется, возвращая моим ногам опору, а я искренне улыбаюсь в ответ, потому что... нет, ну а как можно ему не улыбаться?

Воронцов кажется большущей скалой со всеми этими мышцами, наращенные долгими тренировками. С ним совсем не страшно ходить по темным переулкам, но лично меня подкупает то, каким милым и интересным он может быть, когда перестает стесняться. И да, он обычно реально краснеет, когда провожает меня до общаги и явно хочет поцеловать.

Но не целует. Почему-то.

Дима рвет все стереотипы о качках и шаг за шагом медленно, но верно покоряет мое сердечко. Перед ним невозможно устоять. Был бы еще чуточку выше — причислила бы к лику святых.

— Привет! — не сдерживая смех, здороваюсь я.

— Ну что, навстречу карамельному капучино? — спрашивает он с ярким блеском в глазах, и я уже набираю воздуха в легкие, чтобы по привычке согласиться, а потом вспоминаю, кто и где меня ждет, и, опустив голову, быстро сдуваюсь, как лопнувший шарик.

— Блин.

Я и правда расстроена, что пропущу этот кофейный аттракцион.

— Эй, Викуль, ты чего? — спрашивает Дима участливо. — Что-то случилось?

Он выглядит взволнованным, и я спешу его успокоить.

— Нет, но... — Боже, как ему сказать, что буду крутить задницей в костюме чирлидерши, когда я так много раз утверждала, что это даже не спорт? — Сегодня не получится. Мне надо... У меня возникли дела.

Видимо, никак. Потому что у меня язык не повернется признаться ему. Не сейчас.

Воронцов внимательно смотрит мне в глаза, сведя темные кустистые брови.

— Ладно, — спокойно соглашается он, изучая мое лицо, — тебе нужна моя помощь? Ты же знаешь, что всегда можешь положиться...

— Да-да, конечно! — перебиваю я, сгорая со стыда, потому что он и здесь проявляет себя лучше, чем мог. — Дим, все хорошо, правда. Просто попросили помочь, не жди меня, — отмахиваюсь будто бы легко.

Воронцов никогда не ходит на баскетбол, и я не хочу, чтобы начинал из-за меня. Не хочу, чтобы смотрел на меня почти раздетую. Тем более стал свидетелем убийства, если я вдруг решу свернуть шею одному умственно отсталому троллю с повязкой капитана.

Чтобы не врать ему еще больше и не затягивать неудобную паузу, я сбегаю в раздевалку. Стараюсь ни о чем не думать и заглушить совесть, которая рычит на меня. Я и без нее понимаю, что ложь — плохой фундамент для отношений. Особенно для отношений, которых еще даже нет. В темпе сбрасываю худи и ныряю в форму команды поддержки, не скрывающую и половины тела. Спешу на финальный прогон, а спустя час, когда уже трясу помпонами перед огромной толпой, голые ноги и пупок кажутся меньшим из того, что волнует меня. На самом деле на соревнованиях по гимна-

стике леотарды часто едва ли прикрывали мой зад, мне не привыкать.

«*Поднимите руки выше, почему мы вас не слышим?*» — задирая ноги к потолку, вместе с девочками кричу я.

А тревожит меня то, что уже какое-то время мои лоб, живот и все выпуклые части тела беспрерывно прожигает змеиный громовский взгляд.

«*Вас порвет наш дикий Гром!*» — одними губами повторяю я за всеми.

Или он порвет в клочья только меня?

Что я снова сделала не так?

Глава 4

Арсений

— Охренеть, а у Огневой-то под одеждой прятались буфера! — присвистнув, выдает Рус.

— Да, зачетная без мешка своего, я бы вдул, если б за базаром следила, — ржет Саня, согласно кивая бритой башкой.

— Играть, твою мать, кто будет? — рычу я, потому что, вместо того чтобы думать о двухметровом Халке из РУПС, который раз за разом прорывает нашу защиту, все пялятся на эту девчонку.

И там, блин, есть что заценить.

Если я и рассчитывал, что над Булочкой в форме можно будет поржать, то крупно ошибся. Сейчас только я выгляжу клоуном, пытаюсь вернуть внимание парней, исходящих слюной. Огнева явно дружит со спортом — это заметно по накачанным бедрам и икрам. Да и пресс у нее лучше, чем у половины пацанов. Даже если я прав и в перерывах между парами она точит булки, зараза знатно отрабатывает их в спортзале.

— Тайм-аут! — подав руками знак, орет тренер, и я уже предвкушаю словесную порку, которую мы заслужили. — Вы совсем оборзели? Что за умирающие лебеди на площадке? Две минуты до конца игры, а у нас равный счет!

Я слушаю Артуровича вполуха. Сам знаю, что парни косячат, сам бы им вставил по полной — думаю я, а мой взгляд так и косится в сторону скачущих лошадок, как я привык звать чирлидерш. Большинство из них я успел объездить еще в прошлом году, но оно того не стоило — трахался будто на автопилоте. Огнева с ее формами среди них кажется, кто бы мог подумать, племенной кобылкой. Ей не идут помпоны, но скачет она знатно, сиськи так и пружинят с каждым прыжком. Слегка даже завораживает, и теперь она бесит меня еще сильнее, чем прежде, но я ловлю себя на мысли, что не отказал бы, если б та захотела поскакать на мне. Хотя бы для профилактики сердечно-сосудистых заболеваний, о которых без конца тряндит тренер.

— Громов! Ты с нами вообще или как? — слышу я, сразу же дергаю головой и, нахмурившись, смотрю на Артуровича как ни в чем не бывало. — Вы втроем играете по старой схеме. Нам нужна эта победа, — повелевает он.

— Ага, — бросаю коротко, забив на тупые пламенные речи. Жадно глотаю воду, лью за шиворот, дышу.

Из-за боковой линии долетают кричалки один раз, другой. На третий их подхватывают трибуны, и когда я поворачиваюсь в сторону шума, то ловлю острый взгляд серых глаз. Огнева смотрит на меня в упор, не таясь, не прячась. И когда лошадки ржут про Грома, который всех порвет, прыгают шпагаты и раскидывают руки в стороны, эта сучка демонстративно тащит два пальца в рот.

Точно ей? Да ей конец. Но звучит баззер, и я на время, очень недолгое время, откладываю сокрушительную месть. Злюсь, закипаю и бешусь, что эта мелкая выскочка надула меня. А я чувствую себя именно так — будто она поимела меня на ровном месте.

В порыве я кладу на указания тренера отыгрывать тройку. Рискнув в последние секунды, перехватываю мяч

и отправляю его в кольцо с трехочковой линии. Тот входит в корзину вместе с сиреной, не цепляя сетку, и зал взрывается одобрителем гулом, от которого под ногами вибрирует паркет. Лошадки скандируют, как меня любят, а я, игнорируя разъяренного тренера, довольно киваю им. Могу, когда хочу, что уж.

Скоро народ начинает расходиться с трибун, все потихоньку сворачивается, но не для меня. Я быстрым шагом огибаю толпу галдящих парней и иду к девчонкам, которые с моим приближением визжат только сильнее. Каждая вторая явно не прочь повторить наш секс-марафон и расширить границы сознания. Остальные прямо здесь готовы потерять трусы. И только *эта* с траурной миной двигает руками синхронно со всеми.

— Эй! — Я дергаю подбородком, а она закатывает глаза. Дура или правда бесстрашная? — Я к тебе обращаюсь, Огнева!

Она машет ногами, не позволяя к ней подойти, и полностью меня игнорирует. Охренела? Меня это не останавливает. Я кладу на личное пространство, ловлю в воздухе ее ступню и за щиколотку фиксирую над головой. Другой рукой толкаю девчонку еще ближе к себе и крепко сжимаю ее талию. Со стороны бы оценить картину целиком, как делают с шедеврами живописи, но даже так растяжка впечатляет. Хотя меня все еще бесит ее выражение лица. Не много ли она о себе возомнила?

— Отодрать бы тебя в этой позе, чтобы неделю ходить не могла, — говорю, слегка понизив голос, и крепче сжимаю пальцы. Делаю еще один крохотный шаг вперед, чтобы почти столкнуться с ней носами, и опять этот приторный запах пробивает до мозга. Я на сладкое больше смотреть спокойно не смогу.

— Ничего противозаконного или того, что может угрожать здоровью, — перечисляет она, глядя куда-то за мою

спину и будто бы вообще не напрягаясь из-за задранной к потолку ноги. — Никакого секса...

Сука.

— Это будет сложно, — улыбаюсь я, почти цепляя ее губы, — особенно когда ты сама попросишь.

Хрен его знает, что на меня находит, но ее строптичность и дурная смелость возбуждают. Да и кто вообще мог подумать, что под слоями безразмерной одежды прячется *это*? Я даже почти готов признать, что задница у нее и правда *потрясающая*. Только не вслух, вот еще. Но, кажется, играть с ней будет веселее, чем я думал.

— Мое рабство не продлится долго, — заявляет Огнева смело и дерзко, медаль за отвагу ей бы на лоб наклепить.

— С чего взяла?

Интересно, насколько далеко она зайдет со своей отчаянной глупостью, потому что каждое лишнее слово добавляет ей срок в моей голове. И испытания. Часть из которых ей придется проходить голой.

— Я не намерена прогибаться. Спорю, мы с Веней очень скоро будем свободны.

Да она вечность будет мне прислуживать!

— С чего. Ты. Взяла?

И сотен людей вокруг будто бы не существует. Только пара ее серых глаз против моих. Это даже кажется вполне достойным противостоянием. Достойным того, чтобы не свалить в эту самую секунду или не ткнуть пальцем в любую другую бабу из тех, что готовы обслужить меня за трибунами. Это интересно, я чувствую, как в штанах дергается член, и медленно опускаю ладонь с ее лодыжки вниз.

— У всех есть слабости, — шепчет она ядовито, отравляя каждым словом. — Слабые стороны. Я найду твою ахиллесову пята, и ты оставишь нас в покое.

Булочка охренела вкрай.

— Но до этого момента ты моя верная слуга, — громко усмехаюсь, чтобы чуть придушить ее уверенность, и точно вижу, как Огнева теряет. Потому что хозяин положения здесь я, а она слишком много о себе возомнила. Пытаюсь поймать ее затылок и доходчиво объяснить, что дерзить мне не стоит, но зараза отшатывается от меня и, промолчав, просто прогибается назад в мостик. Я едва успеваю отступить, чтобы не получить ногой по лицу.

— Жди следующего поручения. — Когда она выпрямляется, говорю так, чтобы слышали все, и подмигиваю ей. — Я не заставлю тебя долго ждать.

— Пошел ты, — скорее читаю по губам, чем слышу, потому что в сознание проникает посторонний шум. Огнева отвечает, а затем срывается в акробатическую дорожку вместе со старшекурсницей, с которой у меня не так давно был секс. Кажется.

— Не могу, сорян! — бросаю им весело вслед. — Я еще задницу твою не проверил, а ты в реферате Филатову написала, что она у тебя огненная!

Девчонка все слышит, уверен на сто процентов, потому что щеки даже издали горят красным. Слышит, но намеренно не смотрит в мою сторону и возвращается стройным шагом, высоко задрав подбородок. А я понимаю, что меня наконец ждет что-то необычное и интересное.

Мы еще увидим, как она запоет. Желательно подомной.

Глава 5

Тори

Когда наш преподаватель английского сообщил, что дополнительные занятия по подготовке к TOEFL будут зачтены вместо курсовой по его предмету, я, конечно, понимала, что дискуссионный клуб станет популярнее, но не настолько же! Я хожу сюда после пар с начала семестра, потому что языковой экзамен нужен мне, чтобы участвовать в конкурсе международной программы по обмену. Это одно из условий, без него я не получу студенческую визу. И я ни разу — НИ РАЗУ! — не видела здесь больше пятнадцати человек. А теперь, придя за десять минут до начала, которые могла потратить на тот же кофе, я занимаю одно из последних мест! Еще и на галерке!

Как это все понимать?

Поздоровавшись с девочками, которых часто вижу здесь, но не знаю по именам (хотя одна из них всегда зовет себя Алексой в диалогах, поэтому, наверное, она Саша), я выкладываю тетради на стол и оглядываю переполненную аудиторию. В особенности старшекурсников на первом ряду, среди которых выделяется Карина с ядовито-красными губами — та после вчерашнего матча зажала меня в раздевалке и сказала не лезть к Громову, как будто я только об этом и мечтала. Сомневаюсь, что

ей и ее недалеким друзьям будет интересна лекция. Они явно пришли за бесплатными бонусами, а мне придется страдать и напрягать слух. Володин, наш преподаватель, всегда говорит очень тихо, поэтому я стараюсь садиться ближе к нему — так слышно хоть что-то. Мне теперь в следующий раз придется пожертвовать еще и обедом, чтобы сесть вперед?

Ненавижу, когда я вынуждена кроить привычное расписание! Было бы ради чего. На весь универ всего пять конкурсных мест для учебы за границей. И наверное, в целом мне с моим очень хорошим, но не таким идеальным, как у того же Вени, средним баллом вряд ли что-то светит, но я хочу хотя бы попытаться. Почему нет? А половина окружающих меня придурков вполне могли бы купить себе этот курсач, вместо того чтобы занимать свободные места! Не обеднели бы, и ребятам, которые пишут на заказ, лишний заработок был.

Я злюсь, но моя злость ничего не меняет. К большому сожалению, мой взгляд не испепелит сидящий вокруг народ. Поэтому я всего лишь с раздражением цокаю и бросаю цветные ручки на парту, рюкзак — на стул, а затем бегу вниз, чтобы успеть в уборную, пока мы не застряли здесь на два, а то и на три часа без перерыва. Надеюсь, многие из присутствующих хотя бы помрут от тоски.

Спускаясь, на ходу пишу сообщение Лизе, которая должна сменить меня после восьми в кафе, и настойчиво прошу прийти вовремя, потому что она вечно опаздывает, а мне нужно одолеть целый вагон не дописанной из-за дурацких заданий Громова домашки. Делаю пометки в телефоне и, уткнувшись в экран, случайно врезаюсь в кого-то. Точнее, этот кто-то чуть не сбивает меня с ног, ворвавшись в класс на скорости гоночного болида. Кто-то наглый, кто не просто не извиняется, но еще и, не пропустив, толкает меня обратно. И даже

не поднимая глаз, я догадываюсь, кто передо мной. Эти лоферы и зауженные брюки я узнаю теперь из тысячи.

Громов.

Бесит.

Как будто ему тут церемония вручения премии GQ, а не допник по английскому. Пижон!

— Дашь пройти?

— Здравствуй, Огнева, — он и не собирается двигаться с места, — не хочешь извиниться?

Громов кивает на свои начищенные туфли, на одном из которых остался след от моих кроссовок.

— Извини, — я приторно улыбаюсь, будто радугой поперхнулась, — что не отдала тебе ноги, хотя очень старалась. Пропусти!

Пихнув Арсения локтем в бок, я пытаюсь протиснуться мимо него, но он ловит меня цепкой рукой за талию и толкает обратно. Я врезаюсь в твердую грудь и ощущаю на себе сотни две взглядов, а это оказывается непомерно тяжелым грузом.

— И снова ты рэпер на минималках, — раздев меня до костей непристойным взглядом, заключает Громов. — Зачем ты прячешь весь этот секс?

Я упираюсь ладонями в его плечи, но он давит на мою спину так сильно, что все равно нахожусь слишком близко к нему и чувствую запах кофе, который, в отличие от прохлаждающегося мажора, не успела выпить. Это меня еще больше злит.

— Какой секс?

— Такой, который замутим, если ты будешь послушной сладкой булочкой.

— Ага, в твоих мечтах! — повышаю я голос, а Громов наклоняется, хотя мне казалось, что ближе некуда, и задирает острые брови.

— Не забывай, что ты все еще мне должна.

— Один лишь доклад Филатову стоил всего!

— А твоя *потрясающая* задница, — цитирует он мои слова, которые я приписала в гневе, мечтая о спичках в глазах, чтобы не уснуть, и давясь растворимым кофе без молока и сахара, — продлила тебе агонию. Но оно того стоило, да? Я теперь жду удобного случая еще раз взглянуть на тебя в какой-нибудь форме. Может, развратной медсестры? Не увлекаюсь ролевыми играми, но с тобой не прочь попробовать.

— Ты ужасен! — шиплю я, пытаюсь скрыть, как испуганно колотится мое сердце, но оно, кажется, стучит уже где-то в районе горла, и меня тошнит от волнения. — И как долго ты собираешься продолжать этот цирк?

— Пока ты мне не надоешь.

В его глазах пляшут искры, а сам он похож на сына дьявола, обернутого в мерцающий фантик.

— Даже у джинна есть всего три желания, будь добр загадать последнее и отвалить! — Это звучит слишком громко. На нас оборачиваются уже те, кому было все равно, и теперь я точно хочу провалиться сквозь землю, а Громов еще и добивает ехидной ухмылкой:

— А ты, смотри, ждешь не дождешься следующего задания?

Туше. Меня хватает лишь на то, чтобы закатить глаза и сбежать. Я никогда не была сильна в этом словесном фехтовании, а тягаться с Громовым, чей язык куда только не доведет, уж точно бессмысленная затея. Что он вообще здесь забыл? Зачем ему эти занятия? Неужели папочка не оплатит мальчику курсовую?

Я так погружаюсь в мысли, что не вижу, куда иду, а очнувшись лишь в конце коридора, осознаю, что мне определенно нужно в другую сторону. Пока возвращаюсь, начинает играть мелодия, зазывающая всех разойтись на занятия, и я сдаюсь. Протискиваюсь в аудиторию

вслед за Володиным и игнорирую косые взгляды. Особенно Карины в первом ряду и Громова слева по курсу. И все равно чуть было не спотыкаюсь на ровном месте.

— Давайте сразу к делу, чтобы не задерживаться сегодня, — заявляет с кафедры преподаватель. — Мы должны уложиться в два академических часа. Разбейтесь, пожалуйста, на пары, отрабатываем перфектное время в устной речи.

Мое любимое! Потому что сложное и непонятное. Я с улыбкой поворачиваюсь к своей вечной напарнице и радуюсь тому, что сумею отвлечься, но внезапно натыкаюсь на ее затылок. Та самая Алекса уже активно болтает на английском с кучерявым парнем, что сидит на ряд ниже. С тем, у которого неприятно пахнет изо рта и над которым мы часто смеялись между собой, потому что, каждый раз пытаясь произнести звук «th», он плевался слюной как минимум на пару метров.

Ладно, бывает. Я заглядываю ей за спину и машу ее соседкам, но они демонстративно двигают стулья ближе друг к другу и втроем склоняют головы над столом.

Что за...

Парень за мной, которого я первый раз вижу, только пожимает плечами и в ту же секунду по-английски предлагает объединиться с ним другому такому же безразличному на вид.

Что все это значит?

Шестое чувство зовет меня обернуться, и я с ходу обжигаюсь о пронзительный взгляд Громова, с наслаждением наблюдающего за моими метаниями. Самодовольная ухмылка явно говорит о том, что без его вмешательства здесь не обошлось. Он что, пообещал купить им всем айфоны, если те будут меня игнорить? Хотя о чем это я, одного его веского слова при желании должно быть достаточно, чтобы уничтожить чью-то репутацию. Он

может просто указать пальцем на человека и сделать его изгоем. Нет, ну какая же Громов сволочь!

«Не нужно перечить мне, Булочка. — Треснутый экран на моем телефоне загорается сообщением. — Я хозяйин этой вечеринки».

У меня уходит несколько секунд, чтобы вспомнить, откуда у Громова мой номер. Еще десять, чтобы найти, как заблокировать его. Меня душит обида, экран размывается, потому что на глазах выступают слезы, но я изо всех сил пытаюсь их сдержать. Что я хотела от всех этих недалеких придурков? И тут же внутренний голос завывает о том, что я не сделала им ничего плохого и не заслужила подобного обращения.

Я незаметно смахиваю сорвавшуюся слезу и резко скидываю руку вверх.

— Сергей Дмитриевич! — требую его внимания, когда тот меня не замечает, уставившись в экран ноутбука и настраивая презентацию.

— Да, Виктория?

— Могу я вести диалог с вами? — Мой голос дрожит, как ни пытаюсь говорить ровно.

— Если вам не досталось пары, просто присоединитесь к кому-нибудь третьей.

— Нет, — настаиваю я и имею право, потому что ходила в этот дурацкий кружок тогда, когда он был никому не нужен! — Я бы очень хотела отработать произношение. А кто лучше вас мне в этом поможет?

Выкуси, Громов, я тоже при желании умею манипулировать людьми, хоть и ненавижу это делать. А Володин просто обожает лести! Ему можно бесконечно лить в уши, и он съест все, что будет с привкусом «вы такой хороший».

Когда тот соглашается, я спускаюсь и сажусь сбоку от преподавательского стола, игнорируя весь мир вокруг.

Как могу изображаю безразличие к Громову и безудержный интерес к теме занятий. Иногда не контролирую себя и слишком сильно, до хруста сжимаю челюсть или кусаю губы, тяжело вздыхаю, но, черт возьми, это все отвратительно и очень обидно! И я обязательно это переживу. Позже, не сейчас.

Сейчас я намерена сосредоточиться на плане мести. Мне нужен компромат. Я больше не собираюсь оставаться в долгу у избалованного мажора.

Пошел ты, Арсений Громов.